

Д.Х.
П-89

52

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2014*

1 9 3 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

РУССКИЕ

ПРОСВЕТИТЕЛИ 60-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

В истории общественного революционного движения в России выдающееся место занимают великие демократические деятели 60-х годов XIX века: Чернышевский, Добролюбов, Герцен. До выступления на историческую арену рабочего класса они вели самоотверженную борьбу против феодально-крепостнического строя и царского самодержавия.

Ленин называл великих демократов 60-х годов, как и их славного предшественника Белинского, «просветителями», ставил их в ряд с великими деятелями «эпохи просвещения» 2-й половины XVIII века в Европе, но Ленин брал термин «просветители» в отношении русских просветителей в кавычки, так как существует глубокое различие между просветителями XVIII века в Европе, которые были идеологами буржуазии, и русскими просветителями 60-х годов, которые являлись идеологами крестьянской демократии и считали себя сторонниками социализма.

60-е годы XIX века были периодом революционного подъема как в Европе, так и в России. Ленин писал о нем: «Оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров, появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых «очень часто» приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови заставлять принять «Положение», облидающее их как липку... студенческие беспорядки—при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»¹.

Центральной проблемой всего этого периода был крестьянский вопрос.

Ход экономического развития России требовал уничтожения крепостного права. Крепостники, царское правительство, ослабленные проигранной крымской кампанией, запуганные крестьянскими восстаниями, были вынуждены отменить в 1861 году крепостное право. Но и после отмены его помещики нещадно угнетали крестьян, сохранив во многом крепостнические отношения.

Новое поколение революционеров-разночинцев, которое шло на смену поколению дворянских революционеров, было проникнуто горячей ненавистью к самодержавно-крепостническим порядкам и презрением к либералам, которые «так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об уничтожении этой собственности, о полном свержении этой власти»².

Идейным руководителем и подлинным вождем демократического лагеря 60-х годов был великий русский ученый и критик Николай Гаврилович Чернышевский (1828—1889 годы).

Еще в студенческие годы Чернышевский познакомился с произведениями западноевропейской передовой мысли.

Особенно сильное влияние на Чернышевского оказали произведения великого французского утописта Фурье и великого немецкого философа-материалиста Фейербаха.

Революционные события 1848 года в Европе, за которыми Чернышевский следил с глубоким волнением, окончательно определили его политические взгляды как демократа, противника либералов.

20-летний юноша записал в своем дневнике о либералах: «Не люблю я этих господ, которые говорят свобода, свобода — и эту свободу ограничивают тем, что сказали это слово, да написали его в законах, а не вводят в жизнь; что уничтожают тексты, говорящие о неравенстве, а не уничтожают социального порядка, при котором девять десятых — орда, рабы и пролетарии».

Чернышевский встал во главе журнала «Современник», который под его руководством превратился в боевой рупор революционной демократии.

Чернышевский писал в «Современнике» на разнообразные темы: философские, исторические, экономические, литературные, публицистические, — но все проблемы интересовали его как революционера, как политического борца.

Материалистическая философия Фейербаха давала Чернышевскому теоретические основы для обоснования демократической программы. Он непримиримо относился к

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. IV, стр. 126.

² В. И. Ленин. Соч. Т. XV, стр. 143.

А. М. Герцен, Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов.

идеализму, и Ленин писал в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» о том, что «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников»¹.

Чернышевский прекрасно владел и диалектикой Гегеля, но, как объяснял Ленин, Чернышевский «не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской истории, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса».

Будучи последовательным материалистом в области философии, Чернышевский, как и Фейербах, оставался во многих вопросах общественной жизни на идеалистических позициях.

У Чернышевского имеются гениальные проблески материалистического понимания истории, понимания закономерности исторического процесса; он понимал значение так называемого экономического фактора в истории, даже развитие идей он выводил из классовых отношений; от его сочинений «веет духом классовой борьбы», — писал о нем Ленин. Но в основном Чернышевский, как и Фейербах, в своей критике общественных отношений исходил не из классовой борьбы: он апеллировал к разуму человеческой природы, основной силой прогресса признавал науку, просвещение.

Этот рационализм — характерная черта «просветительства».

Еще до того как Чернышевский познакомился с произведениями Маркса, он критически перерабатывал классическую поли-

тическую экономию и идеи утопического социализма, мастерски выяснил «банкротство» буржуазной «политической экономии» (Маркс) и дал глубокую критику капитализма, но не сумел подняться до анализа противоречий и внутренних движущих сил капиталистического общества. Он не выделял пролетариат как класс из народной массы. Чернышевский «не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма» (Ленин).

Чернышевский оставался на позициях утопического социализма, мечтал о переходе к социализму в России через «полуфеодальную крестьянскую общину» (Ленин).

Однако Чернышевский вовсе не возводил идеализацию общины в догму, как это делали впоследствии народники. Чернышевский уже в 1858 году писал: «Мне совсем вспомнить о безвременной самоуверенности, с которой подходил я к вопросу об общинном владении». Чернышевский придавал огромное значение промышленному развитию страны. Он писал: «Когда развивается промышленность, прогресс обеспечен».

Сознание исторической неизбежности социализма и завоевания его эксплуатируемыми массами народа революционным путем делает Чернышевского «великим рационалистом домарковского периода» (Ленин).

«Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через прешоны

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XIII, стр. 295.

и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»¹.

Свержение самодержавия и уничтожение крепостного права Чернышевский считал делом крестьянской революции. Идеи «мужицкого демократизма» и социализма «сливались тогда в одно непрерывное целое» (Ленин).

Особенно глубоко проник Чернышевский в классовый характер борьбы вокруг крестьянской реформы.

В письме к Герцену, которое было опубликовано в «Колоколе» в 1860 году, Чернышевский писал:

«Крестьяне и либералы идут в разные стороны. Крестьяне, которых помещики тиранят теперь с каким-то особым ожесточением, готовы с отчаянием взяться за топоры, а либералы проповедуют в эту пору умеренность, исторический постепенный прогресс и, кто их знает, что еще. Нет, наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет».

«Крестьянскую реформу» 61-го года, которую либералы сначала подкрашивали, а потом даже прославляли, он назвал мерзостью, ибо он ясно видел ее крепостнический характер, ясно видел, что крестьян обдирают г.г. либеральные освободители, как липку. Либералов 60-х годов Чернышевский назвал «болтунами, хвастунами и дурачьем», ибо он ясно видел их боязнь перед революцией, их бесхарактерность и холопство перед властью имущими»².

Еще в 1853 году Чернышевский писал в дневнике: «У нас будет скоро бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем... Меня не испугает ни грязь, ни пыльные мушкетеры с дубьем, ни резня».

После реформы 1861 года, когда развертываются массовые крестьянские восстания, Чернышевский связывается с подпольными кружками и пишет свое знаменитое воззвание «К барским крестьянам», обращенное непосредственно к крестьянской массе. Самой замечательной стороной этого воззвания является призыв к организованной борьбе: «Надо только единодушие иметь между собой мужикам...» «Что толку, что ежели в одном селе бунт поднять, когда в других селах готовности еще нет?.. А когда везде готовы будут, значит везде поддержка подготовлена, ну тогда дело начинай».

Царское правительство беспощадно расправилось с великим мыслителем и «ководом революционной партии». 19(7) июля

1862 года Чернышевский был арестован и, по личному распоряжению Александра II, посажен в Петропавловскую крепость. Царское правительство отправило Чернышевского на каторгу, предварительно устроив над ним 31(19) мая 1864 года мерзкий обряд гражданской казни на Мытинской площади в Петербурге.

Чернышевский ушел на каторгу, оставив революционной молодежи свое завещание в виде знаменитого романа «Что делать?», написанного им в Петропавловской крепости.

27 лет Н. Г. Чернышевский провел в тюрьмах, на каторге, в ссылке. Вплоть до революции 1905 года имя Чернышевского было запретным в России.

Тем ярче и величественнее выступает перед нами облик великого просветителя, которого так высоко ценили Маркс и Энгельс, так любил Ленин.

Ближайшим другом и соратником Н. Г. Чернышевского был Николай Александрович Добролюбов (1836—1861).

Добролюбов умер юношей 25 лет, писал всего 4 года, но эти годы его публицистической и литературно-критической деятельности оставили глубокий след в истории общественной мысли России.

Биография Добролюбова рассказал над свежей могилой великого критика Некрасов в следующих немногих словах: бедное детство в доме бедного священника, бедное, полуголодное ученье, потом 4 года лихорадочного умственного труда и, наконец, год, проведенный в предчувствии смерти, — вот и вся его биография.

Жизнь Добролюбова богата своим внутренним содержанием.

В Педагогическом институте в Петербурге, где он учился после духовной семинарии, он изучал сочинения Руссо, левых гегельянцев, Фейербаха, Белинского, Герцена, зачитывался статьями Чернышевского.

Еще студентом он начал сотрудничать в «Современнике», в 1857 году стал постоянным сотрудником журнала, а с 1858 года — одним из его редакторов. По мысли Добролюбова, с осени 1858 года «Современник» стал выходить с приложением сатирического листка «Свисток».

Добролюбов сразу выступил на страницах «Современника» как страстный, непримиримый борец, требовавший «дела вместо слов».

Вот почему он вызвал против себя ненависть со стороны либерального крыла сотрудников журнала во главе с Тургеневым, которые покинули «Современник».

Этот разрыв демократического лагеря с либералами был важным условием в размежевании общественных сил в напряженной общественной обстановке 60-х годов,

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. XV, стр. 141.

² Там же.

Гражданская казнь Чернышевского.

С картины Н. Шведе-Радловой.

и осуществлен он был в значительной мере благодаря Добролюбову.

Добролюбов резко выступал против так называемой «обличительной литературы» либералов, потому что она увлекалась мелочами, кричала о взяточничестве, о дурных чиновниках, о нарушении законов и не затрагивала социально-экономических причин, которые вызывали эти явления.

В своих философских, социально-экономических и политических взглядах Добролюбов целиком примыкал к Чернышевскому. Добролюбов стоит рядом с Чернышевским как представитель «мужичьего демократизма» и идеолог крестьянской революции. Добролюбов не имел ясного понятия о классах, но история для него — это борьба эксплуатируемых с эксплуататорами, борьба трудящихся с дармоедами, и тенденцию историческую он видел в «уничтожении дармоедов и возвеличении труда».

Сила Добролюбова была в его принципиальности и непримиримости. Огромной силой убежденности веет от всего написанного Добролюбовым.

Чернышевский с глубоким уважением говорил о Добролюбове: «Вот настоящий человек дела. У него полная гармония между мыслью, словом и делом. В его глазах самые прекрасные намерения не имеют ни-

какого значения и даже вызывали его неудовольствие, если они не стремятся проявляться в соответствующих действиях. И как он во всем строг, непоколебим и непреклонен! Никогда он не пойдет на малейший компромисс; никогда и ни в чем он не сделает ни малейшей уступки. Ко всему он относится серьезно, осмысленно, прочувствованно и страстно».

Добролюбов питал неистощимую ненависть к самодержавно-крепостническим порядкам в России. Скованный цензурой, он вынужден был писать эзоповским языком. Но читатели его понимали.

Добролюбов глубоко верил в революционную силу народа. Он писал о том, что сотни тысяч людей откажутся от всего, «если того потребует доброе дело, сознание в необходимости которого созреет в их душах».

«Доброе дело» — это подцензурный термин, означавший крестьянскую революцию.

Особенно большую роль в формировании передовой общественной мысли 60-х годов играли литературно-критические работы Добролюбова.

Своим предшественником и учителем Добролюбов справедливо считал великого Белинского, «гордость, славу и украшение русской литературы».

Добролюбов был прежде всего революционером. Литературную деятельность он рассматривал как подготовку к будущей революционной деятельности, и к литературе он относился как к освободительной силе, как к помощнице политики.

Уже в первой, напечатанной в 1856 году в «Современнике» статье «Собеседник любителей российского слова» он противопоставляет фактическим и библиографическим критикам такого критика, который «распространяет в обществе светлый взгляд, истинные благородные убеждения». Он приветствовал сатирическое направление в литературе, которое выражало «живое стремление к новому, лучшему, разумному порядку вещей».

Добролюбов боролся за правдивое, реалистическое искусство. Он требовал от искусства серьезности, массовости, народности. Он резко критиковал сторонников так называемого чистого искусства. В одном из своих писем Добролюбов с предельной ясностью объяснил направление своей литературной деятельности:

«Современная путаница не может быть разрешена иначе, как самобытным воздействием народной жизни. Чтобы возбудить это воздействие хоть в той части общества, которая доступна нашему влиянию, мы должны действовать не усыпляющим, а совсем противным образом. Нам следует группировать факты русской жизни, требующие поправок и улучшений, надо вызывать читателей на внимание к тому, что их окружает, надо колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыху,— до того, чтобы противно стало читателю все это богатство грязи, чтобы он, задетый, наконец, за живое, вскопчил с азартом и вымолвил: «Да что же, дескать, это, наконец, за каторга! Лучше уже пропадай моя душошка, а жить в этом омуте не хочу больше!» Вот чего надобно добиться и вот чем объясняются и тон критик моих и политические статьи «Современника» и «Свистка».

«Самобытное воздействие народной жизни» — не что иное, конечно, как подцензурное обозначение революции.

В своих лучших литературных статьях: об Островском («Темное царство» и «Луч света в темном царстве»), о Гончарове («Что такое обломовщина»), о Тургеневе («Когда же придет настоящий день»), о Достоевском («Забитые люди»), о Щедрине («Губернские очерки») — Добролюбов с огромной силой развернул свои теоретические взгляды и политические требования, беспощадно разя врагов революционной демократии.

Страстно борясь за свое дело, отдавая ему все свои силы в условиях тяжкого морально-политического гнета, большой ту-

беркулезом Добролюбов быстро сгорел. 29(17) ноября 1861 г. «гениальный юноша» скончался.

Вся мыслящая Россия была потрясена этой смертью. Чернышевский писал после смерти Добролюбова: «О, как он любил тебя, народ! До тебя не доходило его слово, но когда ты будешь тем, чем хотел он тебя видеть, ты узнаешь, как много для тебя сделал этот гениальный юноша, лучший из сынов твоих».

Некрасов откликнулся на смерть Добролюбова знаменитым стихом:

«Какой светильник разума угас!

Какое сердце биться перестало!»

Маркс писал о Добролюбове: «Как писателя я ставлю его наравне с Лессингом и Дидро» (Маркс и Энгельс. Т. XXVI, стр. 164).

К плеяде великих просветителей 60-х годов относится и Александр Иванович Герцен¹, сыгравший большую роль в подготовке русской революции. Исключительную по глубине характеристику этого великого борца дал Ленин в известной статье «Памяти Герцена», которая вместе с тем является боевой отповедью всякого рода либеральным «критикам», неоднократно пытавшимся извратить облик писателя, поднявшего знамя революции.

Ленин писал о том, что «при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом демократ все же брал в нем верх». Герцен боролся не за сделки либеральной буржуазии с самодержавием, а за революционную победу народа над царизмом.

«Не вина Герцена, а беда его,— писал Ленин,— что он не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах. Когда он увидал его в 60-х,— он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма».

* * *

Деятельность «просветителей» 60-х годов сыграла большую роль в развитии революционного движения в России.

Но «просветители» не понимали, да и не могли понимать, что освобождение рабочих и крестьянских масс, создание социалистической России возможны только при победе пролетарской революции: тогда еще не было налицо пролетариата, который способен был осуществить эту историческую задачу.

У «просветителей» 60-х годов была «вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни», «вера в возможность крестья-

¹ Подробнее о Герцене см. статью И. Бакера «Западники и славянофилы» в № 2 «Исторического журнала».

янской социалистической революции». По существу, в этих взглядах не было «ни грана социализма» (Л е н и н). Это была «формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения».

Но именно эту слабую сторону взглядов «просветителей» подхватили в 70-х годах народники, являвшиеся противниками марксизма. Они объявили себя хранителями «наследства 60-х гг.». Народники, Михайловский в частности, пускали в оборот вздорные, фальшивые, клеветнические выдумки, что марксисты рвут «с лучшими традициями лучшей части русского общества», что марксисты-де «обрывают будто бы демократическую нить, тянущуюся через все прогрессивные течения русской общественной мысли».

Ленин дал решительный отпор этой клевете в своей замечательной статье «От какого наследства мы отказываемся». Эта статья была впервые напечатана в легальной печати и написана поэтому подцензурным, эзоповским языком: слово «марксист» заменено словом «ученик», слово «пролетариат» — словами «бесхозный производитель».

Ленин показал, что народники по всем основным вопросам расходились с «просветителями» 60-х годов.

В чем характерные черты «просветителей» 60-х годов?

«Просветитель» «...одушевлен горячей враждой к крепостному праву и всем его порождениям в экономической, социальной и юридической области. Это первая характерная черта «просветителя». Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям, — горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта «просветителя» это — отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние, и искреннее желание содействовать этому»¹.

«Просветители» вовсе не ставили вопросов о характере пореформенного развития, ограничиваясь исключительно войной против остатков дореформенного строя, ограничиваясь отрицательной задачей расчистки пути для европейского развития России»².

СОВРЕМЕННОСТЬ

1854

№ 1 ЯНВАРЬ

Самостоятельное издание

ВЪ ТИПОГРАФИИ ВЪЗРАТА САНКТЪ

«Современник» № 1 1854 года.

Для «просветителей» характерно «... беспощадное вскрывание всех отрицательных качеств, «устоев» вообще и крестьянства в частности, — тех самых «устоев», фальшивая идеализация и подкрашивание которых является необходимой составной частью народничества»³.

Марксисты целиком приняли «наследство» «просветителей», дополнив это «наследство» анализом противоречий капитализма с точки зрения пролетариата⁴.

«Наследство 60-х гг.» нашло свое дальнейшее развитие не у народников, а у идеологов рабочего класса.

И победивший пролетариат свято чтит память великих демократов 60-х годов, сыгравших «великую роль в подготовке русской революции» (Л е н и н).

ЛИТЕРАТУРА

Л е н и н «От какого наследства мы отказываемся» (т. II, стр. 303—338), «Памяти Герцена» (т. XV, стр. 464—469). Е. М. Ярославский «Разгром народничества», стр. 11—23. 1937. В. Полянский «Три великих русских демократа». 1938. Н. А. Добролюбов. Сто лет со дня рождения (Памятка). 1936.

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. II, стр. 314.

² Там же, стр. 330—331.

³ Там же, стр. 316.

⁴ См. там же, стр. 331.